

Бабушка русской революции

Правозащитница Людмила Алексеева верит: в России все решится в 17-м году

Опубликовано 2 августа 2012

Как только думское большинство взялось за «иностранных агентов», главу Московской Хельсинкской группы Людмилу Алексееву, отмечающую на этой неделе свое 85-летие, как будто подменили. Обычно изысканно вежливая и учтивая, по ее собственным словам, «соглашатель по натуре, всеми силами желающая уйти от конфликтов», она превратилась в крайне эмоционального ньюсмейкера, обличающего власть. Первый раз ее сшибка с системой кончилась тем, что член КПСС тов. Алексеева Л. М. превратилась в «антиобщественный элемент», а сама партия, в обнимку с советской властью, вскоре приказала долго жить. Так как на грабли в России один раз наступать не принято, все самое интересное, похоже, впереди — конкретно в 2017 году, как пророчит Людмила Михайловна. Но обо всем по порядку.

Советский человек

Людмила Алексеева родилась в знаменательный 1927 год, когда в Стране Советов был окончательно решен вопрос с политической оппозицией и гласностью. 15-й съезд ВКП(б), прошедший в год рождения нашей героини, осудил троцкистско-зиновьевский антипартийный блок, всех несогласных с генеральной линией партии изгнали, а член Политбюро Михаил Томский доходчиво объяснил нюансы советской вертикали власти: «У нас может быть и две, и четыре партии, но только

при одном условии: одна партия будет у власти, а все остальные — в тюрьме». Прелести однопартийной системы Томский вскоре испытал лично. В 1929 году он стал «правым уклонистом», в 1936 году заподозрен в «связях с оппозицией», в тюрьму идти не захотел и застрелился.

Девочка Люда, разумеется, тогда обо всех этих перипетиях отечественной политики знать не могла. Она росла во вполне благополучной московской интеллигентной семье (отец — экономист, мать изучала, а затем преподавала математику), стала октябренком, пионером и понятия не имела про то, что у людей бывают разные политические взгляды. Даже когда начались репрессии, Люда не заметила смены вех. Как вспоминает сама Алексеева: «Газеты предлагали некоторое объяснение фактам исчезновения граждан. Печатались рассказы о плохих людях, которые не хотят, чтобы наша страна успешно выполнила свою историческую миссию — освобождение рабочего класса от эксплуатации капиталистами. Эти негодяи работали сообща: англичане, американцы, немецкие фашисты, японцы, буржуазные поляки. Они поручали свои грязные дела полчищам шпионов, террористов и наемных убийц, орудовавших внутри страны. Не помню, думала ли я, что исчезнувшие соседи по дому тоже были плохими, я просто не воспринимала их отсутствие как что-то чрезвычайное».

Отец Людмилы — Михаил Славинский, работавший на поистине расстрельной должности ответработника Центросоюза (руководящий орган системы потребительской кооперации), чудом избежал репрессий. За связь с врагами народа и потерю бдительности он был уволен с работы и исключен из партии. В 1941 году отец Алексеевой ушел на фронт и в июле 1942 года при попытке 2-й ударной армии прорвать блокаду Ленинграда погиб.

Родители Люды были вечно заняты, и девочкой, в основном, занималась ее эстонская бабушка — потомок переселенцев в Крым времен Екатерины Великой. Как потом уточняла Людмила Михайловна, бабушка воспитывала ее в протестантском духе, а «ребенок, воспитание которого было предметом безраздельного внимания Анетты Мариэтты Розалии Яновны Синберг, став взрослым, никогда не смог бы быть просто винтиком в государственной машине». В

общем, благодаря «тлетворному влиянию Запада» для вертикали власти Алексеева была безвозвратно потеряна еще при Сталине.

В 1945 году Людмила поступила на первый курс исторического факультета МГУ и, как она писала в воспоминаниях, «сформулировала такую простенькую теорию: в партию проникли люди, лишённые нравственных принципов, единственной их целью является личная выгода. Хорошие коммунисты, такие люди, как мои родители, никогда не рвались к власти». Еще более простую теорию в те же годы преподавал Людмиле младший брат ее отца дядя Боря: «Нет принципов. Нет социализма. Есть просто шайка паханов. Они захватили власть и удерживают ее. Вот и все. Повтори за мной: нет принципов, нет социализма, только паханы, шайка паханов». Людмила тогда не оценила глубину дядиных мыслей и в 24 года решила изнутри бороться за чистоту партийных рядов. За два года до смерти Сталина она стала членом партии, в Москве по распределению преподавала историю в ремесленном училище, читала лекции, работала агитатором. В 1959 году Алексеева поступила на должность научного редактора в редакцию археологии и этнографии в издательстве «Наука». Чего еще надо? Живи и радуйся! Но как говорит Людмила Алексеева, до 38 лет у нее была спокойная и благополучная первая половина жизни без сверхзадачи — учеба, научная карьера, семья, двое детей. После 38 лет все изменилось. Людмила Алексеева перестала бояться и смогла позволить себе роскошь, недоступную для большинства советских людей, — быть свободной.

Несоветский человек

Ограждать советское общество от враждебных элементов — это была целая наука. Глава КГБ СССР Юрий Андропов, например, постиг ее в совершенстве и предлагал ЦК КПСС целый набор мер для дальнейшего снижения числа политических преступлений: 1) укрепление морально-политического единства нашего общества; 2) рост политической сознательности советских людей; 3) правильная карательная политика советского государства.

«Правильные каратели» не упускали из виду любое антисоветское проявление и Людмилы Алексеевой. Лично Юрий Андропов в июле 1970 года докладывал вождям партии о ее дерзком поведении в столице: после процесса над

правозащитником Натальей Горбаневской «Алексеева с единомышленниками встретила на улице адвоката Каллистратову, как «героя», с цветами». Конечно, слово «герой» было написано в кавычках, ведь Софья Васильевна Каллистратова осмеливалась доказывать в самых гуманных судах мира невиновность подзащитных, обвиняемых по статьям 190-1 УК РСФСР — распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, и по статье 70 УК РСФСР — антисоветская агитация и пропаганда. А по таким статьям невиновные на скамью подсудимых попасть не могли по определению. Впрочем, даже в СССР за встречу человека на улице с цветами сажать не решались, и «подрывную деятельность» нашей героини партия и правительство в итоге терпели целое десятилетие.

Правозащитником Алексеева стала в общем-то случайно: «Мои знакомые дружили с Даниэлем. Когда начался суд над ним и Синявским, я не могла не видеть, что власть с помощью судебной системы устроила расправу над ни в чем не повинными людьми. Образовалась группа поддержки, и я в нее вошла. Так и втянулась в правозащитное движение». Движение, надо сказать, весьма малочисленное. Настолько, что, когда Алексеева с товарищами подписывались под очередным обращением к властям с политическими требованиями, даже ее знакомые искренне удивлялись: «А что это вы сами на себя доносы пишете»?

Алексеева была первой машинисткой самиздатовской «Хроники текущих событий», и в 1974 году указом Президиума Верховного Совета СССР ей было объявлено предостережение — за «систематическое изготовление и распространение антисоветских произведений». Предостережение, впрочем, не подействовало. 12 мая 1976 года на пресс-конференции, созванной на квартире академика Андрея Сахарова, было объявлено о создании Московской группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Как считает Алексеева — это был самый счастливый период в ее жизни. В МХГ помимо Людмилы Михайловны вошли Михаил Бернштам, Елена Боннэр, Александр Гинзбург, Петр Григоренко, Александр Корчак, Мальва Ланда, Анатолий Марченко, Виталий Рубин, Анатолий Щаранский. МХГ стала принимать от граждан СССР информацию

о нарушениях гуманитарных статей Хельсинкских соглашений, составлять на этой основе свои документы и доводить их до сведения общественности и правительств 35 государств, подписавших Заключительный акт совещания в Хельсинки. В частности, Алексеева активно участвовала в составлении документа «Об условиях содержания узников совести», посещала Литву по делам преследуемых католических священников и школьников-верующих, а ее квартира стала канцелярией МХГ — старейшей отечественной правозащитной организации.

С деятельностью МХГ советская власть мирилась лишь несколько месяцев. В январе 1977 года боевой отряд партии нагрязнул с обыском на квартиру Алексеевой. Изъяли самиздат и тамиздат. После обыска Людмила Михайловна была объявлена агентом базирующегося в Западной Европе антисоветского Народно-трудового союза. В тот же день обыск прошел у ее соратника Александра Гинзбурга, которому еще меньше повезло по части обнаружения на его квартире компромата.

Со времени посещения Воландом и его свитой Москвы чекисты отчего-то регулярно интересуются валютой, и почему-то непременно в сортирах. Нечто подобное приключилось и с Гинзбургом в феврале 1977 года. Вот как события описывает сама Людмила Михайловна: «Обыск производился так, что после его окончания Гинзбург в записи на протоколе назвал обыскивавших грабителями... во время обыска у Гинзбурга «нашли» иностранную валюту — 130 американских долларов и 140 немецких марок... Ее «нашли» в стенном шкафу в уборной. Корреспонденты столпились у открытой двери этого помещения, и жена Гинзбурга Арина показала им, как следователь, стоя к ней спиной и закрывая собой шкаф, вытащил оттуда доллары и марки». Похоже, как космонавты не летают без фильма «Белое солнце пустыни» на орбиту, точно так же чекисты не идут на обыск без томика «Мастера и Маргариты». «Агента» Алексееву после обыска стали каждый день вызывать на допросы. «Допрос продолжался ровно с 9 утра до 6 вечера, — вспоминает она. — Я не отвечала ни на один вопрос. В результате следователь вообще перестал меня спрашивать. Я приходила с бутербродами и книжкой. Мы сидели друг напротив друга. Он делал свои дела, а я читала. Когда кто-то входил в кабинет, я прятала книжку, а следователь задавал вопрос».

За все время правозащитной деятельности с середины 1960-х годов Алексееву так и не посадили. Она была исключена из партии и уволена с работы за профнепригодность. Потом ей ненавязчиво предложили уехать на Запад, и Алексеева вволю поиздевалась над своими гонителями: «Меня явно выпихивали из страны... лишь бы я побыстрее выехала... В моей квартире внезапно выключили телефон. Я-то уезжала, а моя пожилая мать оставалась в квартире — ей телефон был необходим. Я позвонила в ОВИР с ближайшего телефона-автомата, что висел рядом с парикмахерской: сказала, что если мой домашний телефон не включат, то я никуда не поеду... Совсем немного времени прошло, когда я вернулась домой. Мама встретила меня радостным восклицанием: «Телефон уже работает!» При обыске у меня конфисковали новенькую, нераспечатанную пишущую машинку. Я настояла, чтобы ее вернули. Иначе, говорю, не уеду!.. Я могла под предлогом «не уеду, если...» требовать все, что угодно. Помнится, муж тогда со смехом сказал: «Так хорошо жить под опекой КГБ, что даже уезжать не хочется!»

В конце февраля 1977 года в возрасте почти 50 лет Алексеева вынуждена была эмигрировать в США. Там она работала в качестве зарубежного представителя Московской Хельсинкской группы, вела программы о правах человека на радиостанциях «Свобода» и «Голос Америки». В 1984 году опубликовала первую монографию о правозащитном движении: «История инакомыслия в СССР. Новейший период». Людмила Михайловна вернулась на родину в 1993 году и продолжила участвовать в деятельности правозащитных организаций. В мае 1996 года она избрана председателем Московской Хельсинкской группы.

Постсоветский человек

Сегодня Алексеева заявляет о выходе из Совета по правам человека при президенте, протестуя против идеи первого заместителя руководителя президентской администрации Вячеслава Володина выбирать членов совета по Интернету: «Пускай Путин обойдется без нас. А мы без него обойдемся». Или: «Приставка «при президенте» с некоторых пор даже портит репутацию». Глава МХГ резко осуждает продление ареста участницам группы Pussy Riot: «Мы до сих пор живем в средневековье». Потом издевательски просит власти обеспечить

полицейское сопровождение гостям, приглашенным 20 июля на ее 85-летие в соответствии с новыми правилами проведения митингов и шествий. А на днях Людмила Михайловна обещала поспособствовать внесению в «список Магнитского» депутатов Госдумы, разработавших законопроект об НКО — иностранных агентах. По словам Алексеевой, фамилии остальных депутатов, которые проголосуют за закон, будут опубликованы, и «очень скоро, когда ситуация в стране изменится, им придется за это расплачиваться».

В разговоре с «Итогами» Людмила Михайловна заметила, что «в России было и есть много бурных событий, только по сути ничего не меняется. В 1977 году ТАСС меня объявил агентом Народно-трудового союза, потом я была агентом ЦРУ, а теперь Московскую Хельсинскую группу хотят зарегистрировать в России в качестве «иностранного агента». Историю с «агентами» Алексеева воспринимает как личное оскорбление: «Сейчас меня и мою группу хотят унижить, а я просто отвечаю властям: «Не дождетесь!»

У Алексеевой безупречная репутация в диссидентском движении. А на упреки коллег в сотрудничестве с властями отвечает так: «Никакого изменения со времен советской власти не произошло. Я никогда с властями не сотрудничала. Это невозможно для меня. Я с ними взаимодействовала и исходила и исхожу из того, что, скорее всего, власти обманут. Но именно потому, что я правозащитник, а не оппозиционный деятель, я не могу себе позволить отказаться от взаимодействия с властями, так как моя функция — защита прав граждан, которые нарушают государственные чиновники. С помощью компромиссов я всегда буду взаимодействовать с властями, пока они сами не откажутся взаимодействовать со мной».

Алексеева не так давно была избита в метро «русским православным патриотом», она побывала в полиции за выход на акцию в защиту 31-й статьи Конституции, ее фотографию в фашистской фуражке вешали в молодежном лагере на Селигере на кол, но при этом она излучает не меньший оптимизм, чем все вместе взятые «Бурановские бабушки». Пять лет назад она предсказала, что «через 10—15 лет Россия станет демократической страной и правовым государством». Мы решили

узнать, сохраняет ли сегодня свою актуальность прогноз «бабушки Люды» пятилетней давности. По ее словам, все остается в силе: «Меня несколько раз просили изменить свой прогноз в связи с последними событиями, но я по-прежнему упорно на нем настаиваю. Да, в России существует, если угодно, два племени людей. Они говорят на разных языках, у них разная мораль. У меня свое племя, у начальников другое. В голове у представителей этого противоположного племени что-то такое происходит, чего я решительно не понимаю. Им все, простите меня, по фигу. Но сейчас это не важно. Время перемен невозможно остановить. Что касается племени обычных людей, то оно к переменам очень даже готово. Словом, до демократии в России осталось 5—10 лет, ждите году эдак в 2017-м. Конечно, это будет не идеальная демократия, такая как, скажем, в Британии, но какая-нибудь, как в Восточной Европе, будет и у нас». Что ж, как говорится, доживем — увидим.

Денис Бабиченко